

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

КУЗОВОК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД

1924

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕНИНГРАД

- АЛЬМЕДИНГЕН, Н. — Семилетка. Книжка для чтения в дошкольном классе и в классе А. М.—П. 1923 г. Стр. 150 Ц. 1 р.
- АНДЕРСЕН. — Принцесса на горошине. Сказка. Рис. М. Ивашинцевой. М.—П. 1923 г. Стр. 8. Ц. 75 к.
- ЕГО ЖЕ. — Стойкий оловянный солдатик. Рис. М. Ивашинцевой. М.—П. 1923 г. Стр. 12. Ц. 75 к.
- БЕСКОВА, Э. — Черничный дедка. С рисунками. М. 1921 г. Стр. 16. Ц. 75 к.
- ВЕНГРОВ, Н. — Зверушки. Стихи маленьким. Рисунки исполнены Н. Альтманом, Ю. Анненковым, В. Ермолаевой, Н. Любавиной и Э. Туровой. М.—П. 1923 г. Стр. 35 Ц. 65 к.
- «ВОЛК С ЖЕЛЕЗНОЙ ГОЛОВОЙ». — Сербская сказка. Перевод А. М. Ловягина. Обложка и рисунки Е. Жака. («Сказки разных народов») 1924 г. Стр. 15. Ц. 75 к.
- ГРИММ бр. — Сказки для детей младшего возраста. Перевод Н. Жбанковой. С иллюстрациями Б. Покровского. М.—П. 1923 г. Стр. 92. Ц. 1 р. 80 к.
- ЖУБА, В. И. — Малыш и жучка. М.—П. 1923 г. Обложка Е. Белухи. Стр. 22. Ц. 25 к.
- Дом, который построил Джек. Английские пересказал С. Маршак. Картинки Вл. Канаши («Всемирная Литература»). 1924. Стр. 30. Ц. 1 р.
- Ч. — История одного грача. 1923. Рассказ для детей. Рис. А. Комарова. Стр. 38. Ц. 30 к.
- В. А. — Спящая царевна. Сказка с рис. Курдюковских. М. 1921 г. Стр. 16. Ц. 60 к.
- ХИ. — Кабильская сказка. Перевод В. А. Комарова и рис. Б. Покровского. («Сказки всех народов») 1924 г. Стр. 15. Ц. 75 к.
- Мирь. Байка с рис. К. Рогова. М.—П. 1923 г. Стр. 10. Ц. 50 к.
- ало. Картинки Б. Покровского, грача и Ф. Л. Денисовским. М.—П. 1923 г. Стр. 10. Ц. 50 к.
- Картинки Б. Покровского.
- КАРРИК, В. — Сказки-картинки. Козел и баран. М.—П. 1922 г. Стр. 16. Ц. 15 к.
- ЕГО ЖЕ. — Колобок. М. 1922 г. Стр. 16. Ц. 15 к.
- ЕГО ЖЕ. — Кот Самсон. М. 1922 г. Стр. 16. Ц. 15 к.
- ЕГО ЖЕ. — Лисица и заяц. Ворона и рак. М. 1922 г. Стр. 16. Ц. 15 к.
- ЕГО ЖЕ. — Мена. М. 1922 г. Стр. 16. Ц. 15 к.
- ЕГО ЖЕ. — Про петуха, кота и лисицу. М. 1922 г. Стр. 16. Ц. 15 к.
- ЕГО ЖЕ. — Снегурочка-рукавичка. М. 1922 г. Стр. 16. Ц. 15 к.
- ЕГО ЖЕ. — Хромая уточка. М. 1922 г. Стр. 16. Ц. 15 к.

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

C-594

КУЗОВОК

Рисунки ЕВГ. БЕЛУХИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД
1924

504 ик

И. СОСЛОВ-ВЕНКОВ

КЛАЗОВОК

СЕРГЕЮ НИКИТИЧУ СОКОЛОВУ

1919

GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

20425

1967-68

WATSON UNIVERSITY
KING STREET AL-14
JAN 1968

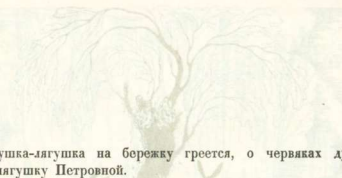
Кто золото и богатство, а я собирал сучки всякие рогаые, диковинные, камушки необыкновенные, грибы, что на берёзовых пнях растут, всякую раструсицу, которую сапогами топчут. А, бывало, эакая заковырка попадетса, ну, никакому художнику не изобразить, — самая настоящая чертячья морда, точь-в-точь как гоголевскому деду над кладом казалось.

Лежали у меня в берестяном кузовке янтарный Мальчик-Пальчик, — в вишнёвом саду его подобрал, из вишнёвого клею сам собою склеился, — была горелая кочерга ягинная, та самая, которой Баба-Яга в печке жар загребаёт, чтобы ловчей лопатой действовать, был Ааронов жезл, чудесно расцветший, и самое удивительное посреди всех богатств моих, — диковинный лесовой Засупоня, сам, что еловая шишка, а глаза, как бисеренки.

А подарил мне Засупоню Петушок — Петушок его из еловой шишки и смастерил.

ЛЕКОВЕ

JACOB

Квакушка-лягушка на бережку греется, о червяках думает.
А зовут лягушку Петровной.

Вечер на землю — Петровна в гости.

— Ква! Ква! Ква! Завтра дождь будет! Ква-ква!

— Вы бы потише, Пелагея Петровна, — вежливо просит гусь, —
мои гусенятки спят.

— Ква! Ква! Ква!

— Ф-фу, ты, горластая! — шипит гусь. — Нет на тебя угомону!

У Сивого Зайца в лесу именины: зайчиха его Заяда Попаловна именинница. Решил Сивый перед гостями хвастнуть — стол у него полон:

заячья капуста для своих, для зайчатков,
калёные орешки рыженьким бельчатам,
туясок мёду Михайле Михайловичу,
гусиные потрошка Патрикеевне,
баранья кость Серому Волку,
крынка сметанки коту Котофею.

Едят гости, похваляют, ведут разговоры.

— Я, — сопит Михайло, — только у меня вид такой, а я зверь добрый, я своей жизнью доволен, мне только от блох беспокойство.

— Ха! хи! — хикнула Патрикевна, — от того, что не моешься, Михайло Михайлыч.

— Некогда, — сопит Медведь, — когда мне мыться! —
Смеются над Михайлой гости.

— Гу-ук! — на весь стол икнул за бараньей костью Серый Волк.

ЗАСУПОНЯ

Евгению Ивановичу Замятину.

Живёт Засупоня не в лесу, не в поле, на моховой кочке,—а кочка посередь болота.

Ночью курлыкает, — слышали? — жа-люб-но.

Похож Засупоня на еловую шишку, о трёх глазах, глаза, что бисеренки.

Прилетел весной Журавель от тёплой реки, и прямо на Засупонину кочку.

— Ты кто?

— Засупоня.

— Пошёл вон, я тут гнездиться стану.

И согнал Засупоню.

Пал Засупоня духом, уж не курлычет.

— Я ему оплачу!

А чем оплачивать: рук нет, ног нет — еловая шишка.

— Я ему яйда перепорчу, я ему...

ГОСТЬ ДОЛГОЙ

Михайлу Михайловичу Пришвину.

У Лешего в гостях Медведь сидит. Смерть надоел, а не выго-
нишь — ведь медь!

Ну и придумал Леший уловку.

— Не угодно ль вам заячьей капустки попробовать, Михайло
Михайлыч?

Известно, Медведь о капусте слышать не может, а тут смолчал.

— Ну что ж, — говорит, — съем, пожалуй.

И пришлось Лешему на стол заячье кушанье ставить, а Медведь
сидит и сидит.

«Вот, — думает Леший, — леший какой! Как бы мне его выку-
рить!»

И начинает этак — сам на дверь смотрит:

— Подумайте, Михайло Михайлович, как народ необразован.
Сегодня утром пришли ко мне из Лядиш две девочки: «Дяденька, —
спрашивают, — нет ли у тебя медвежьего сальца, у матери голова
болит».

— Ну, — Медведь понял, — мне, кажется, пора: засиделся.

СОЛЬ ЗЕМЛИ

КАМЕНЬ БИЗАНТИНА
ДЛЯ ВНЕШНЕГО
ИЗДАНИЯ

Алексею Михайловичу Ремизову.

Было это так давно, что не помнят серые валуны и сам седой месяц забвы. Земля была чёрная, плодоносная, не то, что теперь, а на земле росли такие деревья, ну, такие цветы! — и был вечный день.

Раздолье было тогда всякой нечисти: тешилась, скакала она на воле, и не мешал ей человек веселиться, тёмную свою исподь показывать.

В лесу жил Лесовик-Дубовик, а кожа его, как кора у дуба. Водой Водяной распоряжался. В лесу жили девушки лесные — лесавки, а в воде русалки. Сходились они на берегу при месяце в игры играть, пели песни.

Было так до тех пор, пока Лесовик у Водяного дочку не украл. Вот как случилось это.

Играли однажды девушки лесные-лесавки и русалки, а была с ними дочь Водяного, красавица из красавиц. Побежала она в лес, а там Лесовик — цап-царап! — загудело, зашумело, и нет девушки. Схохнулись русалки, а девушки лесные по кустам рассыпались, Водяного боялись, что на них подумает.

А Водяной о ту пору сладко похрапывал, по воде пузыри пускал. Разбудили его, горе поведали. Рассердился Водяной, расхохотался, посинел весь — и пошла тут сумятица, расплескалось озеро: волна что гора идет, а другая, еще большая волна, догоняет волну.

Лезет Водяной на берег с Лесовиком управиться. Рожа у него сиящая-пресиняя, на голове шапка торчит, слетена из водорослей;

лезет — тростник ломит, за собой дорогу оставляет. Не видал лес такой бури, много деревьев жизнь положили.

Споры Водяной с Лесовиком старым:

— Отдай дочь, не то весь лес размечу!

— Врёшь, рыло водяное, не совладаешь! Я те ткну суком, вода потечёт, конец тебе!

Видит Водяной, не совладать ему с лесным дедом, просить принялся:

— Отдай, товарищ старинный, дочушку, пожалей меня! — и заплакал, любил поплакать Водяной.

— Ладно, отдам, — только ты мне наперёд Соль Земли добудь!

Сказал, как не был — только шишки о землю стрекочут.

Созвал Водяной помощников своих, старых и малых, усадил в кружок и рассказал, какую задачу загнул ему Лесовик:

— Достань Соль Земли! А где она есть, кто ж её знает!

Один болотяник, — Яшкой звать, — сидел, сидел, да как крикнет:

— А я, дяденька, знаю, я сейчас!

И только его и видели: ускакал Соль Земли доставать.

Ждут его час, ждут два, — нет Яшки, пропал. Заперся Водяной, не пьёт, не ест и никого к себе не пускает. Синяя стала в озере вода, а над озером тучи висят — грустит Водяной.

* * *

Есть Земля на земле. Верстами не измерена, шагами не мерена — ни длины, ни ширины. А стоит на той земле дуб, на дубу два ворона сидят. В них-то и есть Соль Земли. Прытко бежал болотяник Яшка, и прямо к этому самому дубу, и уж совсем близко, уж виден дуб, а никак к дубу не подойти: там земля верстами не мерена, шагами не измерена — ни длины, ни ширины. Лететь к дубу нужно, а у Яшки крылья — какие же крылья? — а без крыльев не полетишь.

Да Яшка не таков. Присмотрел он гнездо ястребиное, да к гнезду ястребиному припал на брюхо, и долго ждать не пришлось, — прилетел в гнездо ястреб, его-то и надо Яшке, — размахнулся палкой: вот и крылья!

Крылья отодрал, привязал к спине лыком и очутился на дубу. На дубу два ворона смирихонько сидят, не ворохнутся.

Спапал Яшка одного, другого, попробовал слезть, а руки заняты, ухватиться нечем. Пробовал одного в зубы брать, да птица большая, глаза заслоняет. Бился, бился болотяник, ничего у него не выходит, а день к концу идёт, скоро срок, а нужно еще и до озера добежать.

Чертячья порода хитрая, изворотливая, и придумал Яшка, как из беды выкрутиться. Одного ворона он пустил, а вместо него поймал по дороге чёрную птицу — грача и понёс к Водяному.

Прибежал Яшка к Водяному, стучится. Обрадовался Водяной — двух воронов принёс ему Яшка! — целоваться лезет и суёт Яшке в копыто янтарию кусочек, — уж очень доволен. И неприметно ему, что надул его Яшка.

Посадили Водяной чудесных птиц в клетку и понёс к Лесовику.

Жил Лесовик в хоромах, из пней вывороченных срублены были хоромы, богато жил Лесовик. Стучится Водяной к Лесовику:

— Получай Соль Земли!

Глядит Водяной, и глазам не верит. Выбежала на крыльцо дочь его, и в ноги. А за нею и сам Лесовик.

— Батюшка Водяной, не сердись, не пыхти. Хорош был Лесовик со мною, пообвыкла я и хочу жить у него!

У Водяного и клетка из рук, сказать ничего не может. Давно хотелось ему в мире с Лесовиком жить, и заплакал, — любил Водяной поплакать, — и потекли слёзы ручьями весёлыми, говорливыми, и до сей поры текут они под корнями древесными, радостные лесные ручьи.

Велика была в лесу радость, весело шумели колючие сосны, заговорили высокие осины и сама берёза подняла на тот раз свои плакучие ветви. На радостях чуть было про птиц не забыли, да вспомнила дочка-русалка.

Нынче всем праздник! — и выпустила на волю ворона и чёрную птицу — грача.

И тут великое приключилось чудо: земля побелела. Побелела земля наполовину и перестала родить, как прежде. И никто не знал, откуда беда такая, один знал плут Яшка.

Соль-то Земли в двух воронах заключалась, а как одного не стало, побелела земля наполовину. Упали высокие деревья, приувяли цветы, и не стало вечного дня, впервые сошла на землю тёмная ночь.

Это одинокий печальный ворон вылетает искать своего брата, и его печаль тёмная закрывает солнце, и сходит тогда на землю мрак. Раньше люди не знали ночи и ничего не боялись. Не было страха, не было и преступлений, а как стала ночь, под ее тёмным покровом начались злые дела.

Летает одинокий ворон, ищет брата и не находит: земля, где на дубу живёт брат, вёрстами не измерена, шагами не мерена, ни длины, ни ширины. А если когда-нибудь найдёт ворон своего брата, опять засияет над землёй яркое солнце, и придёт вечный день. Когда это будет — кто знает, кто скажет? Мне-то не сказать, а вот про то, как Лесовик на Водяного дочке женился, я могу.

Долго тогда веселилось Лесное и Водяное, и такое было веселье и такая была радость, что самое горе земли всей нипочем показалось. И живут теперь Водяной и Лесовик в превеликой дружбе и даже один без другого жить не может: где вода, там и лес, а где лес повырубят, там и вода усыхает.

ВЕЧА КРАЧА

Первый — петух.

Приснилось петуху на курошести, будто солнышко встало.
Захлопал крыльями, вытянул шею:

— Ку-ка-ре-ку-у-у!

— ре-ку-у! — отвечает

за рекой туманное эхо.

— Ах! Ах! Ах! — сердится курица, просыпаясь.

— кудах-тах-тах! — отве-

чает эхо.

На огороде распустилась верба: белые пуховки.

Жарче и жарче светит солнце. Днём с крыш капаят капли, тают на солнце длинные сосульки. Потемнели, раструхли дороги.

Лёд на реке посинел.

На крышах снег стоял. На пригорках и около деревьев и стен оголилась земля.

Весело бегают на дворе воробьи, проводили зиму, радёшеньки-рады:

— Жив! Жив! Жив!

Прилетели белоносые грачи. Важные и черные, ходят они по дорогам.

Скачут по навозным кучам стрекотухи-сороки: перезимовали.

На колокольнях гомозятся галки.

А по утрам над полями далёко разносится — бум! бум! бум! — звонят к обедне: великий пост.

Высыпали из школы простоволосые, пахнувшие хлебом, крестьянские дети, поскидали лапти. Играют в рюхи:

— Меть, Тит, по попу! — слышен от школы звонкий голос.

— Лежака! Лежака! — перебивает другой еще звонче.

В лесу точно кто-то проснулся и смотрит голубыми глазами. Смоляно пахнут ели, и от множества запахов кружится голова. Первые подснежники, став, раздвинули своими лепестками слежалый прошлогодний лист.

В эти дни тело берёз наливается сладким соком, ветви буреют и набухают почки, а из каждой царапины прозрачные сочатся слёзы.

Самый час пробуждения наступает неуловимо. Первая ива, а за нею, отведешь невзначай глаза, весь лес стал зелёным и нежным.

Ночами темно так, что сколько ни старайся, не увидишь и собственных пальцев. В эти ночи в беззвёздном небе слышен свист бесчисленных крыльев.

Жук прогудел, стукнулся о берёзу и замолк. Комар дудит над болотом. А в лесу по сухому листу хорь — шух! шух! И заиграл в небе первый баранчик.

Загомонили по болоту журавли.

Завопила человеческим голосом сова, и один за другим жалобно откликнулись ей по лесу зайцы.

Серый волк, хоронясь кустами, прошёл на боковую.

По осветлевшему небу протянул первый зазябший вальдшнеп, цвиркнул над лесом и скрылся.

Громче и громче на суку играет глухарь. Поиграет, и слушает долго, вытянув шею. А хитрый охотник стоит недвижно и ждёт новой песни — тогда около глухаря пали хоть из пушки.

Первый навстречу солиду столбом поднялся с межи жаворонок, выше и выше, и полилась на землю его золотая песня. Он первым увидит сегодня солнце.

А за ним, на ладах, распутив хвосты, пошли в хороводе тетерева-черныши. Далеко по заре слышен их гулкий голос.

Взошло солнце — не успеешь ахнуть.

Сперва закрылись самые маленькие окошечки-звёзды. Только одна большая звезда осталась гореть над лесом.

Потом небо зазолотилось. Дыхнуло ветерком и потянуло ночной фиалкой. Грохнул по заре выстрел и долго катился по полям

и лесам и перелескам. На минуту всё приумолкло, а потом хлынуло еще звончее.

Над рекой и лугом повис белый текучий туман.

Зазолотились макуши—сильный и весёлый кто-то по лесу вскрикнул!—поднялось над землею ослепительное солнце.

Смеётся солнце, играет цветами. И нет сил, глядя на солнце, удержаться:

— Солнце! Солнце! Солнце!—поют птицы.

— Солнце! Солнце! Солнце!—цветы раскрываются.

КРАСНОЕ ЛЕТО

— Борода, кудря, дай нам ласку, ласку, кудря, дай нам

Ласку, дай ласку, дай нам ласку, дай нам ласку,
Ласку, дай ласку, дай нам ласку, дай нам ласку.

На реке, в заводях, раскрылись белые лилии и жёлтые кувшинки. Буйно цветёт над водою водяная кашка.

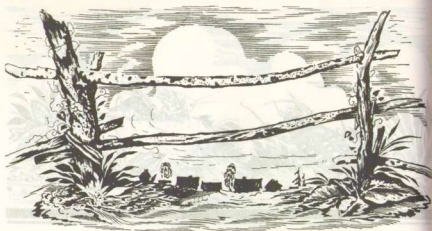
Дикая утка вывела из осоки своих утят и учит их плавать и ловить мошек. Летают над водою белые и синие стрекозы и гудят над цветущей кашкой деловитые пчёлы. Цокают по воде пузатые караси, ловя мошек, а под плавучей травой затих, притаился на карасей зубастый щучёнок.

Ходко бегают по воде на длинных лапках водяные пауки — челночки.

На берегу трава выше колена. Звенят по ветру лиловые колокольчики, встряхивается серая кашка, и качаются одуванчики. На листке подорожника сидит большой зелёный кузнечик, играет на скрипке.

— Кузнец, кузнец, дай нам дёгтю! Кузнец, кузнец, дай нам дёгтю!

Пролетел над травой, раскрыв красные крылья, трескунчик. Высоко в небе — быстрые ласточки.

На крутом берегу, там, где начинается сосновый бор, выпало земляникой видимо-невидимо.

Качается под ветром высокая сухая трава. Рябее зелёная кукушка. Гоняются над цветами друг за другом стрекозы, и перепархивают белые и красные бабочки.

Между травинками по сухим земляным комочкам, по сухой траве, спешат-бегут хлопотливые муравьи, несут травинки строить себе дом.

А над ними качается, алея, крупная земляника.

Из лесу папоротниковым морем выйдешь на большак широкий и тенистый, обсаженный старыми дуплистыми берёзами, много выдавшими на своем веку.

Через поле, направо, белая церковь, укрытая садом. Весело лазить на высокую колокольню и смотреть, как широк и прекрасен мир.

Хорошо побегать по зелёному лугу, сыграть в городки на широкой, гладкой дороге, полежать под берёзами.

И, глядя в небо, слушать кукушку

Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

— Это вам на счастье.

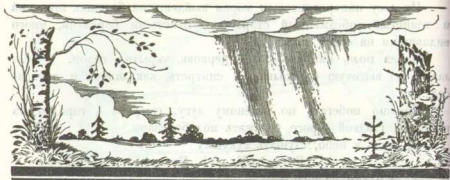
Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

— Это вам на радость.

Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

— Это вам на веселье.

А жить будете сто — сто и два года.

Накатилась синяя, с грядой серых облаков, и зашумела. —

Прокатился по саду вихорь, поднял до самого неба сухие листья и опустил за околицей.

Упали первые тяжёлые капли.

Сверкнула молния —

И ударил гром — посыпались на железную крышу тяжёлые камни.

Побежали по двору, вытянув шею и опустив хвост, петух и куры.

Капля за каплей, ударил забойный, с градом, проливень.

Скачет град по дороге, — горох белый.

Дождь, дождь, пуше,

Дадим тебе гуши,

Дадим тебе каши, —

Лей на нивы наши!

Чаще дождь — посерело за окнами. Струится по стёклам. Побежали по дорогам ручьи, смывая грязь и сор. Набрал луг. Уткам раздолье — прочищают пёрышки, как ни в чем не бывало.

Дождь, дождь, перестань,

Мы поедем в Ерусань.

Улыбнулось на песню из-за тучи солнышко, и загорелась семи-
цветная радуга — одной ногой в реку, другой в лес. А дождь
сквозь солнце — к грибам: грибы расти пойдут.

Теперь босиком на волю, бегать по лужам, по набрякшей, помо-
лодевшей траве!

Туча дальше и дальше —

Глуше и глуше уходящий гром — —

Над лесом, освещённые солнцем, от земли до неба стоят столбы:
где-то дождь идет.

Покуда глаз хватит — золотое поле — море золотое — —

Ходят по золоту бегучие волны, клонят колосья.

А по межам высыпали васильки — синие звёзды.

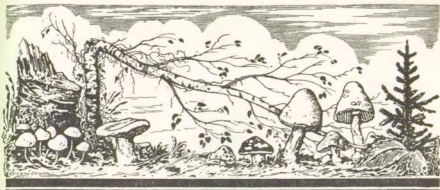
Хорошо спрятаться с головою в рожь, присесть и слушать, как шелестят тяжёлые усатые колосья и сама собою ходят солома, нюхать, как пахнет сырая земля.

Вот ползёт по соломинке божья коровка — по красной спинке чёрные точки, ползёт вверх и расправляет крылья.

— Куда полетит, там Петушково счастье!

Никто во ржи не увидит, разве жаворонок с неба да пролетающий над полем ястреб-мышелов увидит и скажет:

— Никак это заяц прычется там во ржи.

Когда по берёзовым опушкам ковром высыпнит Иван-да-Марья, иди за грибами. Сухо в лесу — залепляя глаза, садится на лицо летучая паутина.

В траве по опушкам сидят крепкие коричневые боровики, розовеют под палым листом мокрые сыроежки, краснеют по кочкам важные мухоморы, и, словно малые ребята, толпятся черноголовые подберёзовики.

Между белыми стволами берёз растёт молодой ельник-подсед, и, чем глубже в лес, чаще мурашёвые высокие кучи. Звонко стучит по сухому дереву дятел, и свистят по берёзам скрытные иволги. Свежо в лесу и пахуче. И так покоен воздух, что долго и тихо, кружась в нем, падает на землю жёлтый сухой листочек.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Золотая осень — время года, когда природа готовится к зиме. Деревья сбрасывают листву, и воздух наполняется ароматом опавших листьев. Это время года особенно нравится детям, так как они могут наслаждаться игрой в листья и собирать красивые букеты. Золотая осень — это время, когда природа показывает нам свою красоту и величие. Мы можем увидеть, как деревья меняют цвет, и как природа готовится к зиме. Это время года особенно нравится детям, так как они могут наслаждаться игрой в листья и собирать красивые букеты. Золотая осень — это время, когда природа показывает нам свою красоту и величие. Мы можем увидеть, как деревья меняют цвет, и как природа готовится к зиме. Это время года особенно нравится детям, так как они могут наслаждаться игрой в листья и собирать красивые букеты.

Ходит за пчёлами дед Игнат — седая борода по пояс, в руке дымарь с гнилушками.

— Хорошего да своего пчела не тронет, — говорит Игнат, — а пуше злых и пьяниц не любит. Как услышит винный дух, пропадай человек!

И пчёлы Игната не жалат, ползают по его сухим, длинным рукам, по седой бороде, заползают за расстёгнутый ворот. Такую пчелу достает своими черными пальцами дед Игнат:

— Лети, лети по своему делу!

Целый день между ульями, то обрежет царице пчелиной крылья, чтобы рой не уводила, то рамки в ульях поправит, то вырежет, где много, туясок мёду.

От солнышка до солнышка на-ходу дед Игнат.

Малые ребята — желанные гости. Кто пчёл боится, не ходит. А кому пчёлы не страшны, те у него каждый день.

Живёт Игнат в омшанике посреди пчельни. Тут же и мёд в липовой долблёной кадушке.

— Ну, сивые зайцы, — встречает ребятшек, — не даром вам сегодня мёд есть. Будет вам задача рой стеречь. В оба смотрите! А в награду будет вам угощение.

Едят ребята огурцы с мёдом, во все глаза рой караулят и слушают, карауля, Игнатовы пчелиные сказки...

Ночью в лесу слышно, как падают мёртвые медленно листья. Пчёлы затяжелели, изгнав ленивых трутней, и больше не вылетают. Дед Игнат глиной замазал летки в ульях.

Сняли в саду налитую пахучую антоновку, сложили в ровные грудки. Красный среди жёлтых, упавший с яблони лист кажется издали подосиновиком.

Мужики ходили копать смолу — поедут лучить рыбу.

Налетел вихорь, тряхнул линами, грохонул крышей, и по саду над землёй, доставая небо, взлетели, кружась и падая, жёлтые листья.

Холоднеет...

Бабочки-траурницы и осенние крапивицы провожают лето и садятся умирать на жохлую яблоневую кору. Их можно брать руками — не улетают.

Только осенью может случиться: идёшь, задумавшись, по лесу и вдруг станешь, — чувствуешь запах, чем-то крепким, как хлеб

печёный, пахнёт. Глянешь вверх, — там светло-желтые листья, все целы — дуб!

Кое-где желтеет запоздалый цветок. Травы высыпали в землю свои семена, и под ветром качаются над полем их голые дыбулки. Еще зеленеет на пастбищах подъеденный подсед, таким и под снегом ляжет.

Далеко слышна пастушья труба.

Еще держится изъеденный божьей коровкой лист на ольхе.

Одна ель спит и ничего не видит: падёт пороша — проснётся.

Осадистый можжевельник обсыпан черными и зелёными бусами — ждёт не дожётся снегу.

В неделю, как сожжённая, легла ботва на картошке.

Травы и деревья поют последнюю песню, хвалят землю, хвалят жаркое солнце, хвалят тёплые дожди.

Между сухими листьями, нет-нет, — крепкая головка подосиновика. Срежешь — почернеет корешок.

Оттудила земля-мать...

Белка нагребла орехов — наподбор ядрёные — ждёт осенних дождей: белке и коту от мокроты беспокойство. А зимой пойдёт сгять по еловым макушам, шулять шишками...

Отпотевают окна, а ветер чаще да шибче — —

Под частой ёлочкой, под зелёной еловой лапой, строит дом свой заяц-беляк.

Белка переменила на зиму шубку и починает гнездо, чтобы не дуло, не надувало в гнездо снегу.

Лисица готовит нору, а в норе из мягких листьев тёплую постельку для своих рыжих лисёнков.

Хорь-скакун забрался под корч. У хоря под корчем хоромы — двадцать комнат. Хорь зверь ловкой, — умеет.

Ёж Ежович покрылся палым листом, — на целую зиму.

Сестрички-кунички по ёлкам сигают, шишки лущат. У куничек дом готовый, а зима им — счастье, будут гоняться по ёлкам друг за дружкой.

Крот глубоко ушёл в землю и застыл до весны.

Белые ласочки и лесные мышшки — поглубже в мох, под древесные корни.

Лягушки-квакушки зарылись в мох недвижно.

Застыли под хворостом юркие ящерицы.

А лучше, а теплее всех — Михайле Михайловичу: забрался он в берлогу, припал к лапе и — на боковую. Будет всю зиму видеть лесовые сны и слушать, как скрипят над берлогой высокие ели.

Хуже всех бездомовнику-волку: от куста под куст, от беды к беде, в морозные ночи, когда под звёздным небом мерцает снег, будет он долго и жалобно петь на перекрёстке свою горькую волчью песню:

— У-у-у! У-у-у! У-у-у!

ЗИМА ВЬЮЖНАЯ

Пролетело жаркое лето, прошла золотая осень, выпал снег, — пришла зима.

Подули холодные ветры. Голые стояли в лесу деревья — ждали белой одежды. Ели и сосны стали еще зеленее.

Много раз большими хлопьями начинал падать снег, и, просыпаясь утром, люди не узнавали поля, такой необыкновенный свет светил в окно.

По первой пороше охотники пошли на зайцев. И целыми днями по лесу слышался заливистый собачий лай.

Стоит охотник на краю леса и ждёт.

Колобок не колобок — катится через дорогу серый.

Свистнул охотник, и приостановился серый, стал на задние лапы, поднял уши — слушает, далеко ли собаки.

Поднял охотник ружье —

Ходит Мороз по двору, постукивает, погромыхивает. Ночь звёздная, окна синие, на окнах Мороз ледяные цветы нарисовал — никому таких не вырисовать.

— Ай да Мороз!

Ходит Мороз, то в стену стукнет, то по воротам щелконёт, то стряхнёт иней с берёзы и вспугнёт задремавших галок. Скучно Морозу. От скуки пойдёт на реку, стукнет по льду, станет звёзды считать, а звёзды лучистые — золотая озимь.

Утром затопят бабы печи, а Мороз тут как тут — замороженными столбами стали над деревней голубые на позолотевшем небе дымь.

— Ай да Мороз!

Едет мужик в лес, а борода у мужика белая, на усах сосульки, на шапке снег. Лошадёнка косматая в инее. Бежит мужик позади саней, лантями скрипит, рукавицами прихлопывает.

— Ай да Мороз!

А в лесу Мороз кружева развесил. Ни пером описать, ни в сказке сказать. Зацепишь дугою — летит за воротник снежная пыль.

По уликам ходит Мороз, сине в окнах, а в комнате тепло, горит лампа, и старая Савельевна чулок вяжет.

Зимой и игры зимние: вечером дома — картинки, а утром в погожий день — катаешься с гор, а в оттепель лепишь бабу.

А кто постарше — в школу.

Взобраться половчей на сани, умяться поудобнее — на сорок вёрст дороги, — поглубже и потеплее уйти в тулуп, чтобы одним глазом, сквозь космы овчины, видеть небо, армяк и шапку Герасима, сидящего впереди, косматые спины и прядущие, заросшие изнутри, конские уши.

— Но, но, — говорит Герасим, нуздая, — мила-ай!

Он продевает, подняв руки, повод в колечко над дугою, затягивает холодный чресседельник.

— Ладно сидеть? — спрашивает, обходя сани и рукою трогая сиденье.

— Ладно, Герасим, — чуть слышен из тулупа голос.

— Ну, в дорогу!

Ведёт в гуське Фурсик — рыжий деревенский конёк, косматый и ретивый. Он прыгает в верёвочных длинных постромках, трогает сани.

— Эй, мила-ай! — опять говорит ему Герасим.

В правой руке Герасима длинный, на коротком черенке, пастуший кнут. Герасим звонко щёлкает им по морозу. Стучат копыта по мостику у водокачки, и на повороте быстро пролетают мимо знакомые вывески с баранками и сахарными головами, «чай Высоцкий», колодец с горкою жёлтого обледелого снега, берёзовые дрова, притрушенные снегом, и дальше — телефонные грустно поющие столбы.

Впереди белое поле — снеговые перевалы, и чернеет над снегами притулая деревенька. Над деревенькой голубыми столбами замёрзли дымы.

Далеко остался город, пыльные школьные коридоры, инспекторы сердитые очки, классный журнал, чёрная доска и жёлтая кафедра.

Под мягкий ход саней и скрипенье полозьев подходит сон, а со сном лёгкие видения...

...Ой, как приятно забраться под тёплое одеяло, прижаться к широкой родной груди, слушать, как бьётся в ней родное сердце.

— Ска-азку!

— Какую же тебе сказку, мой Сивый Заяц?

— Про плотик.

Кто знает, в который раз начинается та же сказка: два мальчика строят плотик, спускают плотик в реку и через тридевятье земли, через дремучие леса, мимо высоких гор, плывут к синему морю. И кланяются им с берегов разные звери:

«Возьмите меня!» — просит Заяц.

«Возьмите меня!» — кланяется Серый Волк.

«Меня!» — мурчит Медведь.

Все на плотик, все к синему морю!

— А белку?

— И белку возьмём, Сивый Заяц!

— А кота Ваську?

— Возьмём и Ваську.

Все тут, — мурчат и мурлычат: и заяц, и волк, и медведь, и кот, и так приятно дремать под их ласковый, долгий мурк...

Ах!..

Нет ни плотика со зверями, ни тёплой постели... В открывшийся воротник тулупа забрался мороз и крепко щиплет за щёки, а в глаза яркий свет.

— Эй, мила-ай!.. — слышен Герасимов голос.

Споро бегут маленькие деревенские лошадки. Видно, что на заднее копыто передового набился клубком снег. Тянет от деревни дымом.

Повстречалась баба, только нос виден из платка у бабы. Отступила по колено в снег, поклонилась.

По сторонам дороги наклонившиеся, занесённые снегом вешки, и от дороги к вешкам натоптан собачий след.

По снегу корка — серен — и поверху гонит лёгкий ветер снежную тонкую пыль.

Навстречу обоз — на станцию порожняком, на лисичках. Сидят мужики на лисичках, подняв воротники от ветру, идут пешие, ведут беседу, курят. Бороды и усы у мужиков в белой сметане.

Прошел обоз, — дальше.

Вот и лес: в кружевах березы и осины. На зелёных лапах елей тяжёлые снежные шапки. Снежная пыль сыплется сверху.

Протянулся через дорогу и скрылся в ельнике заячий разгонистый след. Лисий, строчёный, лапка в лапку, вьётся вдоль дороги. Белка перебежала дорогу и, вздёрнув хвостом, сиганула на ёлку.

На вершинах ёлок грозди тёмно-розовых шишек. Прыгают по шишкам серые синички. А внизу по снегу рассыпались грудастые, краснозобые снегири и, сполохнувшись, разом, всей стаей, взлетели и, точно бусы, уселись на ветвях голой берёзы, встряхнув серебряный иней.

За лесом, через кусты и поле — деревня.

Первая на отлёте занесённая снегом кузня, а дальше, по огородам, овины и заваленный сугробом тын, на котором торчат ветром растрёпанные конопляные снопы.

На деревенской улице тихо и пахнет дымом. У затворенных ворот ходят по навозу сороки. Жалобно чирикают распухшие на морозе воробьи.

У обледенелого колодца и обросшей льдом кояги Герасим останавливает поить.

Спуская бадью, он перебирает руками по длинному шесту и, скрипя, высокий колодезный жорв высоко поднимает над деревней свой длинный хвост.

Медленно пьют лошади из обледенелой бадьи, цедя склизь зубы холодную воду. На их мордах, на волосинках, повисают прозрачные капли.

— Фью-ю-ю! — ласковым свистом свистит лошадям Герасим.

Подходит мужик, ведя в поводу двух лошадок, обросших космато.

— Со станции? — спрашивает. — Здравствуй!

— Со станции! — отвечает Герасим.

— Издалече?

— Кочановские! — отвечает Герасим, опуская бадью и подбирая поводья.

А мужик глядит, улыбаясь: знает.

Через дрему незаметно пролетает дорога — через поле, через замёрзшую реку, окружённый садом, уже виден родной дом.

И замирает сердце: кто-то встретит первый?

Мимо деревни, под накатанную ребятишками гору, ближе и ближе. Узнаёт и кланяется из мельничных ворот Емельяныч-мельник, и знакомо шумит под мостом вода.

Дальше — склонившиеся надо льдом плакучие ивы. Отсюда — напрямик по льду. От дома весело лает — узнал! — белохвостый, косматый Чубрик.

Чубрик встречает первый.

А на крыльце стоят, поджидают — родные.

— Приехал Сивый Заяц!

Знакомые сени, знакомая дверь, знакомый запах. Жарко натоплена в комнате лежанка. Прежде всего на лежанку — отогреться.

А на столе самовар кипит и смеётся. Нарезан пахучий чёрный хлеб. Стоит малиновое варенье.

После морозу и дороги чайку с вареньем!

Перед праздником толкучие, беспокойные дни. В комнатах девки, нагнувшись, моют пол и собирают паутину. А в кухне с утра жарко топится печка: видно, как огонь охватывает и лижет сложенные в крестец поленья. У стола, ошиповая белого гуся, баба Настасья рассказывает свой предпраздничный сон:

— Вижу, вышла я в чистое поле, и вижу, по полю цвет рассыпан — василёк, хожу, собираю и песни пою и будто всего-то мне лет восемь...

Ручьём течёт бабий тихий говор. Жарко топится печка, а у печки, с засученными рукавами, действует ухватом проворная Акулька.

Завтра великий праздник: бабам хлопот до утра.

КАРТИНКИ

Вот так — и вот так, — сказал он —

я был тогда,

я был тогда.

Тогда, когда, — он был тогда, — сказал он —

Сказал он — тогда —

— тогда, — сказал он —

А так — тогда —

КАРТИНКИ

Тогда, когда —

он был, — он был,

он был, — он был,

он был,

— Он был — тогда, — сказал он —

Вот сидит под ёлочкой сивый заяц —
о пяти ногах,
о трёх ушах.

Думает сивый, как бы заячьей капусткой полакомиться.
Серый волк крадётся —
— хочется зайца скушать!

А ног у волка шестнадцать,
а ухов и вовсе нет.

Едет мужик-лесовик на санках-самокатках —
ни ног, ни рук,
одна борода
до пупа.

— Но, но! — понукивает, — берегись, серый волк!

Накручено — наворачено синим — красным.

Сперва будто так накручено, а приглядишься —

— человек. —

И вспоминаешь: во сне такое снится.

А рисовала человека Оля, а годов Оле четыре.

Вылеплено из глины:

птица не птица,

зверь не зверь.

А всякому видно —

— Красиво!

Так и называли мы с Петушком:

— Самое красивое.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Чужой в чужом городе, хожу я и вспоминаю наш Кузовок:

...Подходили звери — гусь лапчатый, медведь касавый, волк-рысун, лиса-скитуха, сивый заяц и сам крот подземельный:

— Человече, человече, когда беде конец? Нет нашей моченьки.

Встала примятая трава, цветы поднялись, и загудел погубленный лес — с полей, океанов, гор и рек:

— Человече, человече, скоро ли беде конец?

Великим горючим потоком текут материнские слезы, их ли потушат и самые океаны:

— Человече!

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Предисловие	7
Лесовое.	9
Соль Земли	17
Весна-красна	23
Красное лето	29
Золотая осень	39
Зима выюжная	47
Картинки.	57
Послесловие	62

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕНИНГРАД

- «КОЗА». — Народная песня-сказка. С раскрашенными иллюстрациями В. Л. Андреева. М. 1923 г. Стр. 33. Ц. 80 к.
- КОЛОКОЛОВ, А. — Радужный пояс. Рассказы для детей. 1923 г. Стр. 105. Ц. 50 к.
- «ЛЕСОВИЧКИ». — Рисунки А. Комарова. М. 1923 г. Стр. 12. Ц. 1 р. 50 к.
- КРОТКИЙ, ЭМИЛЬ. — Шиворот-навыворот. Иллюстр. А. Любимова. М.—П. 1922 г. Стр. 28. Ц. 60 к.
- МЕКСИН, Я. П. — Зайка. Сборник рассказов и стихотворений для детей младшего возраста. Рис. И. С. Ефимова. М.—П. 1922 г. Стр. 39. Ц. 30 к.
- ЕГО ЖЕ. — Русские народн. сказки. Сборн. для детей младшего возраста. Под ред. проф. А. Е. Грузинского. Рис. С. В. Малютина и О. С. Малютиной. Изд. 2-е. М.—П. 1923 г. Стр. 64. Ц. 20 к.
- «МИШКА». — Сборник для детей младшего возраста. Составлен литерат. комиссией под редакцией Н. Телешова. Рис. И. Ефимова. М. 1921 г. Стр. 42. Ц. 15 к.
- «МОРОЗКО». — Сказка. М. 1923 г. Стр. 10. Ц. 1 р. 50 к.
- «НИКИТА-КОЖЕМЯКА». — Народная сказка. С цветн. иллюстр. М. Горьинской. М. Стр. 8. Ц. 50 к.
- ОНОШКЕВИЧ, АДА и ПАМБЭ. — Мышенки и луна. С 14 рисунками художника А. Радакова. 1923 г. Стр. 20. Ц. 80 к.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА: Ильинка, Баррикад. пл., | ЛЕНИНГРАД: Проспект 25 Октября
Боголюбовский пер., 4. Тел. 47-35. | (Невский), 28. Тел. 6-49-33.

ОТДЕЛЕНИЯ:

ВОЛОГДА, Площадь Свободы; ВОРОНЕЖ, Проспект Революции, 1-й д. Совета; КАЗАНЬ, Гостинодворская, Гостинный двор; КИЕВ, Крещатик, 38; КОСТРОМА, Советская, 11; КРАСНОДАР, Красная, 35; НИЖНИЙ-НОВГОРОД, Б. Покровка, 12; ОДЕССА, ул. Ласалы, 12; ПЕНЗА, Интернациональная, 39-43; ПЯТИГОРСК, Советский пр., 48; РОСТОВ Н/ДОНУ, ул. Фридриха Энгельса, 106; САРАТОВ, ул. Республики, 42; ТАМБОВ, Коммунальная, 14; ТИФЛИС, Проспект Руставели, 16; ХАРЬКОВ, Московская, 20.

МАГАЗИНЫ:

МОСКВА: 1) Советская пл., под гост. „Дрезден“. Тел. 1-28-94; 2) Моховая ул., 17. Тел. 1-31-50; 3) Ул. Герцена (Б. Никитская), 13 (ва. Консерватории) Тел. 2-64-95; 4) Никольская ул., д. 3. Тел. 4-9-51; 5) Серпуховские пл., 1/43. Тел. 3-79-65; 6) Кузнецкий мост, 12. Тел. 1-01-35; 7) Покровка, Лылин пер., 11. Тел. 8-1-94; 8) М. Харитоньевский пер., 4. Тел. 1-81-84; 9) Ильинка, Боголюбский пер., 4. Тел. 1-91-49.

ЛЕНИНГРАД: 1) Проспект 25 Октября (Невский), 28; 2) Пр. Володарского (Литейный пр.), 53; 3) Проспект 25 Октября (Невский), 13.

Всё известное о книгах — в бюллетенях Т. сектора; очередные новы бюллетени Т. сектора высылаются по получении 10 коп. почтовой маркой.

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ

КАТАЛОГ книжных складов торгового сектора государственного издательства, ч. I, изд. 1923 г. и его отделений, ц. 75 к.

